

ВОЕННЫЕ
МЕМУАРЫ

1904
1905

Генерал-майор
К.И. Дружинин

**ВОСПОМИНАНИЯ
О РУССКО-ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЕ 1904–1905 ГОДОВ
УЧАСТНИКА-ДОБРОВОЛЬЦА**

Военные мемуары (Вече)

Константин Дружинин

**Воспоминания о Русско-
японской войне 1904-1905
годов участника-добровольца**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521

Дружинин К. И.

Воспоминания о Русско-японской войне 1904-1905 годов
участника-добровольца / К. И. Дружинин — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-5432-5

Автор книги — известный военный писатель и публицист, генерал-майор Российской императорской армии Константин Иванович Дружинин. Выйдя в отставку по болезни в 1902 г., он с началом Русско-японской войны 1904—1905 гг. вернулся на службу и отправился добровольцем на театр военных действий в Маньчжурию. В своих воспоминаниях о войне Дружинин не только день за днем описывает события, участником которых ему довелось стать, но и подробно разбирает, подвергая заслуженной критике, действия командующего русской Маньчжурской армией генерала А. Н. Куропаткина. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-4484-5432-5

© Дружинин К. И., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

От автора	6
Часть I. От начала войны до завязки генерального сражения под Ляояном	7
Глава I. Впечатления открытия военных действий Японией. – Определение с гражданской службы в действующую армию. – Сборы на войну. – Путешествие на театр военных действий	7
Глава II. Служба по охране побережья Ляодунского залива в составе Приморского драгунского полка с 22 марта по 11 апреля	25
Глава III. Четыре дня штабного Ляояна, с 12 по 15 апреля	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

К. И. Дружинин

Воспоминания о Русско-японской войне 1904-1905 годов участника-добровольца

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Проигрыш войны указывает на необходимость обновления государственного строя, для чего требуется новое, более бескорыстное направление государственной службы, поприще которой, к несчастью, до сих пор знаменовалось и знаменуется борьбою эгоизмов, личных самолюбий и себялюбивых инстинктов: в этой борьбе общественный интерес всецело поглощался личными интересами, а служба часто сливалась с прислуживанием.

Б.

От автора

Предлагаемая книга составляет только часть всего моего исторического труда по описанию: военных действий русской армии на полях Маньчжурии в 1904—1905 годах, состояния и ведения русских вооруженных сил до войны и ликвидации после войны действующей армии на Дальнем Востоке. Я подробно исследую также деятельность во время войны Восточно-Китайской железной дороги, пример которой вряд ли повторится когда-нибудь, в смысле того огромного значения, какое она оказывала на военные действия в Маньчжурии.

По неимению средств, ограничиваюсь в настоящее время предлагаемой книгой, в надежде, что успех ее позволит мне приступить к продолжению издания всего труда, состоящего из следующих шести частей:

Воспоминания о состоянии и ведении русских вооруженных сил перед войной 1904—1905 гг., их эксплуатировании в Маньчжурии и ликвидации после войны.

Часть 1-я. Военное министерство и войска времен *Ванновского – Обручева*.

Часть 2-я. Военное министерство и войска времен *Куропаткина – Сахарова*.

Часть 3-я. Воспоминания о Русско-японской войне 1904—1905 гг. участника-добровольца:

Том 1-й. От начала войны до завязки генерального сражения под Ляояном.

Том 2-й. Начало – завязка генерального сражения под Ляояном. Бои у деревни Тунсинпу 11 и 12 августа и у деревни Тасигоу 13 и 14 августа, впереди правого фланга и на правом фланге Ляньдясань – Анпинской позиции Восточной группы русской Маньчжурской армии.

Том 3-й. От генерального сражения под Ляояном до заключения мира.

Часть 4-я. Деятельность Восточно-Китайской железной дороги во время войны 1904—1905 гг.

Часть 5-я. Ликвидация русских Маньчжурских армий в 1906 году.

Часть 6-я. Состояние после войны 1904—1905 гг. русской окраины на Дальнем Востоке и ее оплота – крепости Владивосток.

К. Дружинин

Часть I. От начала войны до завязки генерального сражения под Ляояном

Мы проиграли эту войну, потому что избегали людей с сильным характером и твердою волей, самостоятельных и решительных, а ценили только людей покладистых, умеющих со всеми ладить и во всех заискивать, потому что мы боялись инцидентов.

С.-Петербург. Ноябрь 1905 г.

Р.

Не то же ли происходит в нашей армии и теперь, через три года после несчастной проигранной нами кампании?

С.-Петербург. Июнь 1908 г.

Д.

Глава I. Впечатления открытия военных действий Японией. – Определение с гражданской службы в действующую армию. – Сборы на войну. – Путешествие на театр военных действий

Война застала меня на службе в Управлении С.-Петербург-Варшавской железной дороги. В продолжение всей осени 1903 года, в печати и обществе, шли разговоры о вероятной войне с Японией, но я относился к этому вопросу довольно равнодушно по следующим причинам: 1. я всегда верил в государственный ум С. Ю. Витте и был убежден, что он постарается не допустить возникновения войны, хорошо зная, насколько Россия была к ней неподготовлена в смысле ничтожества наших боевых сил на Дальнем Востоке, а главным образом в смысле неудовлетворительности качественного состояния нашей армии, представлявшей из себя нечто похуже французских войск в кампанию 1870 года уже к концу министерства Ванновского – Обручева и быстро шедшей вниз по наклонной плоскости со времени ее управления неспособными Куропаткиным и Сахаровым; 2. вынужденно оставив ряды армии, которой посвятил все свои силы двадцати трех лет молодости, я, конечно, должен был с невероятною трудностью прокладывать себе дорогу на совершенно новом для себя поприще – железнодорожной административной деятельности – и поэтому не имел времени вдумываться в политику и разбираться в ее туманных горизонтах; мысль о возвращении в армию казалась мне невозможной: перемена режима, т.е. установление в нашей армии порядков службы, основанных на требовательности и дисциплине, была невероятна, а, при существовании старого режима, мне не могло быть в армии никакого амплуа и никакой должности; кроме того, я нашел, к своему удивлению, достаточную дисциплину и требовательность на железной дороге, а следовательно, работа на ней меня удовлетворяла.

Однако с учреждением наместничества на Дальнем Востоке, явившимся результатом влияния немногочисленной, но сильной партии людей, искавших материального обогащения в казенных антрепризах на берегах Тихого океана, а также высшей бюрократической карьеры, положение дел стало если не серьезнее, то во всяком случае много сложнее. Руководство политикой могло затрудниться фантазиями разных фезёров¹, а представительство и власть намест-

¹ От фр. les faiseurs – дельцы.

ника подрывали авторитет настоящего государственного деятеля. Тяжелое впечатление произвело на меня неожиданное удаление от дел С. Ю. Витте. Хотя «Новое время» и обещало нам новую эру его деятельности у кормила правления государством, в качестве властного руководителя Совета министров, все отлично понимали, что Витте утратил всякое влияние на государственные дела.

Можно ли было желать или сочувствовать такому внезапному удалению от дел С. Ю. Витте? Я отвечу на этот вопрос не оценкою его государственной деятельности, на что считаю себя некомпетентным, а просто обращаясь к здравому смыслу. С лишком десять лет С. Ю. Витте в значительной степени руководил жизнью России, как внутреннюю, так и внешнюю; ввел новую денежную систему, конвертировал государственные долги, расширил донельзя монополию казны, сделав ее предпринимателем в области промышленности и торговли, давал и широко давал средства на усиление армии и флота, развивал железнодорожную сеть и другие пути сообщения, властвовал не только в своем министерстве, но руководил и многими другими; во внешней политике он воспользовался примерами Англии и Германии, допустив осуществление широкого плана колонизации такой огромной и богатейшей страны, как Маньчжурия, идя к его выполнению путем мирным – прежде всего проведением русской железной дороги, а затем торговлей и эксплуатированием богатств страны. При этом, конечно, нельзя было не иметь в виду и колоссальное усиление могущества нашего отечества: действительно, в Квантуне Россия получала свободный выход в океане – единственный для нее в Азии и Европе взятых вместе; он же обеспечивал господство над Китаем, подчиняя влиянию России административный центр Пекин; Восточно-Китайская железная дорога усиливала оборонительное и наступательное значение Владивостока, связывая его кратчайшим путем с Европейской Россией; она обеспечивала такое же значение Квантуну; а Владивосток и Квантун, оба вместе, давали нам преимущество стратегического положения над японцами, так как Корейский пролив попадал под двойной удар наших морских сил, приобретающих две обеспеченных базы. Министр финансов широко отпускал средства на быстрое сооружение Маньчжурской железной дороги, на укрепление Квантуна и судостроение. Китайская смута, несколько нарушившая наши расчеты, все-таки не оказала влияния на прогресс наших дел Дальнего Востока, потому что государство легко покрыло все военные расходы, равно как и убытки по постройке. В сущности, китайский поход должен был бы оказаться для нас полезным благодаря тому, что войска и военачальники ознакомились с Маньчжурией как театром военных действий, имели случай познать враждебные нам элементы Китая и наконец, действуя рука об руку с частями японской армии, могли воочию убедиться, насколько последняя стояла уже образцово во всех отношениях и даже значительно выше наших войск, в смысле организации, снаряжения, продовольствия, а главное, командования высшими начальниками и вообще офицерами. Нельзя не поставить в вину Куропаткину, что ни он, ни его Генеральный штаб, ни все наши военачальники вообще и наши офицеры в частности не только не извлекли из китайского похода никакой пользы, но даже развратились его легким успехом и решительно ничего не подметили у японцев; ведь сам военный министр отправился затем в Японию и, вернувшись из интересной поездки (кстати заметить, стоившей, вероятно, не один десяток тысяч казенных денег), продолжал, вместе с своим министерством и Главным штабом, спать сном праведника.

Финансовая политика Витте обеспечила России на континенте Европы широкий дешевый кредит и искоренила игру на наши рубли. В то же время мы закрепили надежный естественный наш союз с Францией и не упускали из вида вопросов Ближнего Востока, хотя надежнейшим обеспечением влияния России на последние и было именно наше прочное утверждение на Дальнем Востоке: теперь этому не трудно поверить, потому что тотчас с началом войны, т.е. с отвлечением наших сил и средств к берегам Тихого океана, в значительной степени ослабло наше влияние (если не совсем исчезло) на решение вопросов, касающихся жизни народов, группирующихся на Балканском полуострове, но конечно, до 1904 года этому

никто бы не поверил. Мне кажется, что С. Ю. Витте отлично оценивал уже тогда обстановку и поэтому сознательно способствовал своей государственной деятельностью стать России твердо ногою на берегах Тихого океана. Конечно, я не буду настаивать на том, что стремление к владычеству России на Дальнем Востоке составляет исключительную идею одного С. Ю. Витте, но обращаю лишь внимание на то, что эта идея уже осуществлялась, вернее, была на пути к своему осуществлению, причем двигателем сего был в продолжение всех последних перед войной десяти лет главным образом министр финансов, а следовательно, он и являлся главным властным руководителем отправления такого сложного государственного организма, как наше отечество; к этому привыкла не только вся Россия, но и Европа: полномочие, власть, решимость – словом, авторитет С. Ю. Витте доминировали во всем бюрократическом режиме России; он был главной пружиной этого механизма. И вдруг в один прекрасный день его не стало! Преемника ему не было в полном смысле слова, ибо из всех лиц, стоявших тогда у власти, никто не пользовался и даже не имел никакого авторитета. Ясно, что в ту же минуту все бюрократы, как высших, так и низших рангов, остались без руководства. Они потеряли головы, не знали, что предпринять, как вести судьбу не только всего государства, но даже как направлять его частные жизненные отправления. Вот почему понятно, с уходом от власти С. Ю. Витте вопрос о войне и мире должен был подвергнуться массе случайностей.

Из сказанного можно, пожалуй, вывести заключение, что если С. Ю. Витте не был бы устранен от дел осенью 1903 года, то войны бы не было. Я далек утверждать это, но могу указать на некоторые меры, которыми, по-видимому, его политика хотела избежать вооруженного столкновения. Первой и самой действительной было отозвание русских войск, принадлежавших к составу армии, из Маньчжурии. Весною 1902 года французский полковник Маршан, бывший в С.-Петербурге, в день официального объявления о таком решении русского правительства, сказал мне: «это еще ничего не значит, ибо обещать вывести войска можно, но надо посмотреть будет ли это исполнено». Однако они действительно выводились; да кроме того, при ничтожном их количестве, имевшемся тогда на всей территории Дальнего Востока, это не могло иметь существенного значения в смысле борьбы с Японией, а для противодействия набегам хунхузов на линию железной дороги было достаточно охранной стражи. Министр финансов совершенно правильно обособил эту категорию наших вооруженных сил от армии (а совсем не для удовлетворения личного тщеславия иметь, как говорили многие его недоброжелатели, свое собственное войско). Увеличивая численность зеленых замурцев, привлекая в их состав за большое денежное вознаграждение отборные элементы офицеров и нижних чинов, можно было собрать в Маньчжурии грозную силу (я слышал от людей, близко стоявших тогда к делу, что охранная стража должна была быть доведена до 100 000 ч., что составляло целую армию в 4 корпуса), знакомую с местностью и народонаселением, привыкшую к климату и условиям жизни на театре военных действий, проникнутую особенной энергией, как колонизаторы края. Проверка численности этой силы, разбросанной на тысячи верст, была бы для наших врагов затруднительна, а существование ее с дипломатической точки зрения вполне законно; содержа даже весьма значительную силу под видом охранной стражи, мы удовлетворяли амбицию Китая и все требования наших политических врагов. Я знаю факт, что расквартирование по приказанию наместника в г. Мукдене – столице Маньчжурии – двух стрелковых рот вызвало в Пекине огромное неудовольствие, и китайские власти объясняли это чисто принципиальной стороной дела, т.е. нарушением прав Китая, а вовсе не тягостью постоя такой ничтожной горсти русских солдат.

Вторую меру против войны я считаю проводимую политику открытых дверей для торговли в Маньчжурии всех иностранцев. Третья мера состояла в неодобрении Безобразовской авантюры по лесной операции на берегах р. Ялу.

Но, скажут мне, война бы возникла все равно, несмотря ни на какие уступки со стороны России, ибо Япония должна была воевать во что бы то ни стало: в ее лице просну-

лась желтая раса и, будучи представительницей культуры последней, она ополчилась, чтобы доказать всем азиатам, всему миру, что она достойна стать во главе панмонголизма, будучи в состоянии тягаться силами с могущественнейшей державой белой расы. Япония задыхалась на своих островах и должна была найти выход избытку своего народонаселения, а англичанам и американцам было слишком выгодно предоставить ей всю Корею и тем предотвратить японскую колонизацию Австралии, Америки и Филиппин. Япония была слишком хорошо осведомлена о слабости России на Дальнем Востоке в частности и слабости ее вообще, вследствие несовершенства управления страной, неудовлетворительного состояния наших армии и флота; поэтому, объявляя войну, она шла на верный, обеспеченный заранее, успех. Наконец Япония не могла ждать потому, что в водах Тихого океана плавал русский флот, уже достаточно грозный по числу своих вымпелов, а через какой-нибудь год-два подошли бы еще подкрепления, которые могли окончательно склонить перевес сил на море на сторону России. Следовательно, раз только Россия влезла в Маньчжурию, ввязалась в эту авантюру, война с Японией становилась неизбежной, ибо Япония видела в этом посягательство на права свои, на права всей желтой расы; она должна была взяться за оружие возможно скорее и решительнее, пока флот России, как более богатого государства, не подавил бы своим водоизмещением и вооружением флот более бедной державы, пока Артур и Владивосток не сделались еще недоступными твердынями, а Приамурье не считало бы в своих гарнизонах несколько сот тысяч русских штыков. Таким образом причиной столь тягостной для нашего отечества войны была эта Маньчжурская авантюра, а виновниками, ответственными за нее, являются лица, стоявшие у власти и допустившие правительство сделать такой безрассудный роковой шаг. Вина их усугубляется еще тем обстоятельством, что Россия, в сущности, бедная страна, нуждающаяся в средствах для благоустройства своих собственных земель и потому, конечно, не имеющая возможности выбрасывать миллионы народных денег на колонизацию чуждых нам краев, обещающую в будущем лишь одни расходы и вызывающую затрату сумасшедших денег на сухопутную и приморскую оборону вновь приобретаемых земель, на увеличение активных сил войска и флота на Дальнем Востоке². А так как мы сказали, что более десяти лет наибольшим значением в государственной жизни России пользовался С. Ю. Витте, то естественно, что ропот общественного мнения обращается и на него. Не знаю, что скажет история через 10—20 лет, когда последствия несчастной войны окончательно вырисуются и можно будет вынести беспристрастный, справедливый и точный приговор, но, во всяком случае, мне кажется, что вряд ли он будет карать самую идею стремления России на Дальний Восток, и я склонен даже думать, что наше выступление в Маньчжурию будет признано не авантюрой, а большим счастьем, принесшим нашему отечеству, несмотря на проигранную войну, большие преимущества.

Император Вильгельм, в политической дальнорзоркости и государственной мудрости которого никто не сомневается, первый предсказал, что желтая раса проснется и ополчится на белую. Ясно, что это предсказание прежде всего касалось великой России, ибо только она соприкасается на необъятном сухопутье с желтолицыми и упирается в воды, кругом занятые ими же. Естественно, первый удар должен был направиться на нее, и уже тогда, когда прозвучали пророческие вдохновенные слова, нетрудно было угадать, что восток ополчится на запад под гегемонией Японии. К тому же две белых нации давно открыли в Японии надежного союзника против титана конкурировавшего с ними на берегах Тихого океана и на всей материке

² Насколько наше общество вообще не было осведомлено о положении дел на Дальнем Востоке, указывает распространенное мнение о Восточно-Китайской железной дороге как о предприятии совершенно бездоходном в его будущем и настоящем (конечно, я говорю о железной дороге в том виде, в каком она была до войны). А между тем весьма осторожный расчет Управления дороги показывает, что если в первый год ближайшего десятилетия эксплуатации дороги ожидался дефицит около семи миллионов рублей, то к концу десятилетия дорога должна была давать чистого дохода около девятнадцати миллионов рублей. Но, кроме коммерческих выгод, дорога давала нам значительное политическое и стратегическое преобладание на Дальнем Востоке вообще и еще способствовала заселению и обогащению коренных русских земель, т.е. всей Приморской области.

Азии; для них нападение Японии на Россию было в высшей степени желательно, развязывая им надолго руки: оба врага, сцепившись на смертный бой, настолько обессилили бы, что предоставили бы новым карфагенянам надолго обогащаться за их счет и за их оскудение. Следовательно, вопрос столкновения Японии с Россией становился только вопросом времени, и война началась бы если не в 1903, то, скажем, в 1910—1912 годах. Если бы не существовало русской авантюры, т.е. захвата нами Квантуна и колонизации Маньчжурии, то что представляла бы из себя Россия на Дальнем Востоке ко дню неизбежного вооруженного столкновения с желтолицыми? С уверенностью позволю себе сказать, что и в 1910—1912 годах мы не далеко ушли бы от того беспомощного положения, в котором оказались к началу войны 1904 года; пожалуй, мы были бы еще в худшем, и вот почему.

Не известно ли каждому из читателей, как управлялись далекие окраины России высокопоставленными бюрократами под названием генерал-губернаторов, военных губернаторов, командующих войсками и наказных атаманов. Менялись эти лица довольно часто. Каждый вновь назначенный долго собирался к месту служения, но его продолжительные сборы вовсе не состояли в подготовке для предстоящей деятельности, в занятиях по изучению вверенного, в большинстве случаев совершенно незнакомого, края. Сборы эти заключались в следующем: 1. представления высокопоставленным лицам; 2. визиты выдающимся и ловким дельцам, необходимым и даже опасным по своей силе и влиянию в высших сферах; 3. заигрывание с представителями благонамеренной полуофициальной печати, что перед войной стало особенно в моде, ибо реклама о своей деятельности вообще выгодна: внутри России, а в особенности в Петербурге, когда еще узнают о том, как принимались насаждения реформ и всяких мероприятий нового государственного деятеля (чаще всего из начальников дивизий или корпусных штабов) на территории вверенной ему тмутаракани, а, при содействии печати, в звездноносной среде распространится слава об энергичном деятеле, носителе прогресса; вырастет новый кандидат в министры, а если и не удастся что-либо в этом роде, то все-таки, при хорошем служебном цензе, можно будет пристроиться и в столице; 4. выбор нескольких будущих сотрудников по отраслям административной деятельности, хотя обыкновенно, за отсутствием людей знающих, а в особенности бывших на данной окраине, этот номер исключался совсем, или же приходилось брать просто по протекции – знакомству; к тому же ведь на месте тоже жили не одни волки, медведи и тигры, а были и люди, конечно из чиновников, в изобилии наполнявших административные центры окраин; 5. составление личной блестящей свиты, т.е. приглашение адъютантов и лиц для поручений; впрочем, приглашать и разыскивать не приходилось: среди военной молодежи было всегда сколько угодно желающих пристроиться к генерал-губернаторству; прежде всего юные поручики прельщались получением куша в несколько тысяч рублей прогонных и подъемных денег, так как среди даже гвардейских офицеров, за исключением 3—4 полков, молодежь почти не имеет собственных средств, кроме разве женившихся на богатых приданых; многие получали возможность расплатиться с долгами или просто удрать от кредиторов (взыскивай там за тридевять земель); попадались и совсем родовитые аристократы: кого ссылали папаша за чрезмерное пьянство и скандальное поведение, кого удаляла мамаша во избежание мезальянса, кого просили удалиться из полка; во всяком случае, ручаюсь за то, что не поехал ни один офицер из интереса службы на окраине; 6. затем шло устройство личных семейных дел, прощания, прием напутствий и проводов.

Наконец, после нескольких месяцев сбора, администратор уезжал в отдельном вагоне, а чаще в отдельном поезде, и, приняв по дороге несколько оваций, прибывал во вверенную ему тмутаракань, где, конечно, уже не заставал своего предместника, который был счастлив оставить подальше за собою дикую страну, и, покидая ее, с облегчением отрясал ее прах от ног своих. Какое ему было дело до того, что будет твориться там после него; служба прошла благополучно, иногда даже по внешности и годовым отчетам блестяще, ценз заслужен; если не будущий министр, то во всяком случае кабинет – делец высшего государственного учре-

ждения, с содержанием соответствующим генерал-губернаторскому. Вновь прибывающий уже завидовал своему предшественнику, как человеку, прошедшему неприятный иску́с, увенчанному лаврами и приобретшему покой, и начинал свою деятельность по образу и подобию этого счастливца. Конечно, надо же было проявить себя, но для этого существовал излюбленный прием: просидеть на месте годик-полтора, создать проекты реформ и ехать в столицу проводить благие мероприятия. Скоро провести их нельзя, ибо затрагиваются государственные интересы, вопросы будущего величия России на ее окраине; пока их рассмотрят в канцеляриях, комиссиях и состоится доклад по департаментам и министерствам, пройдет немало времени; спешить у нас не любят, а понуканий и напоминаний вообще не выносят. И просидит, вернее, проблаженствует, окраинный мастер в столице, осыпанный прогонами и суточными, не один и не два месяца, а полгода и больше; при нем же наслаждается в монде, ресторанах и театрах его многочисленная блестящая свита – также на казенные суточные и прогонные. На отдаленной же окраине чиновник второго разряда делает свое дело: пишет, препровождает, доносит, назначает, берет и получает, но только ничего не дает краю – ни просвещения, ни культуры, ни справедливости, ни путей сообщения, ни народного здоровья, не прибавляет ничего к прогрессу торговли и промышленности и к престижу русского имени.

При такой системе (а, спрашивается, почему, на каком основании она изменилась бы, если до войны она во всех отношениях удовлетворяла наш бюрократический режим и его представителей), конечно, Россия не усилилась бы на Дальнем Востоке. Может быть, через 10—15 лет Сибирская магистраль давала бы 10 пар поездов в сутки, но, конечно, второй колеи бы не существовало (если даже и теперь ее строят как бы нехотя). Народо́население русское увеличилось бы, но не настолько, чтобы можно было набрать в бассейне Амура более какой-нибудь пехотной дивизии. Были бы линейные, стрелковые батальоны, в лучшем случае полки, немногочисленная полевая артиллерия и некоторое количество казаков (ведь только война показала, какая в настоящее время незначительная роль казаков в серьезной военной операции). Укрепления Владивостока имели бы, конечно, первобытный характер, ибо кто стал бы давать миллионы для обороны окраины, когда ей, по-видимому, никто не угрожал; неужели стали бы опасаться китайцев и японцев? Китайской войны и вовсе не было бы, если бы мы не вздумали колонизировать Маньчжурию и захватывать Квантун, так что мы не знали бы даже, что такое хунхузы; а японцы? но ведь, когда они победили Китай, то России в минуту их торжества стоило только сказать довольно³, и они убралась на свои острова, получив в утешение остров Формозу, который, говорили у нас, японцы никогда не покорят: там непобедимые «черные флаги». Кстати заметить, что эти черные флаги не мешали нашему противнику во время войны вывести с Формозы на театр военных действий расположенную там дивизию, а эскадра Рожественского не попыталась даже демонстрировать против Формозы и обошла ее кругом и подальше. В результате конечно на Дальнем Востоке и через десять лет никакого противовеса серьезному наступлению в свои пределы Россия оказать бы не могла.

Но может быть, во Владивостоке к тому времени был бы грозный флот, и тогда не могло бы быть никакого посягательства на материк с стороны Японии? Это предположение я позволю себе решительно опровергнуть. В нашем единственном порте Тихого океана, т.е. во Владивосток, не только не было бы русского флота сильнее японского, но не было бы и эскадры, равной по силе той, которая могла собраться под флагом Алексева перед открытием военных действий в 1904 году, и вот почему:

Основую моих соображений служит тот факт, что наша Тихоокеанская эскадра (все те суда, которые были в распоряжении наместника) была составлена крайне спешно, именно и

³ Конечно, Япония была усмирена при помощи и согласии всей Европы, но, говоря откровенно, разве мы не приписывали этого подвига себе? До войны, а пожалуй и до Мукдена, мы все еще думали, что можем руководить политикой всего мира, показывая наш чудовищный восьмимиллионный кулак.

исключительно вследствие наших обострений с Японией (этой причины бы не существовало); мы строили и посылали немедленно все готовое, новое, по одной, две штуки; выслали наконец из Балтийского флота все, что только можно было послать; только некоторые суда почему-то не успели дойти, как, например, «Ослябя», «Аврора». Во всяком случае, к 27 января 1904 года в Балтийском флоте годных боевых судов уже не было. «Орел», «Бородино», «Александр III» и «Суворов» спешно закончены постройкой во время войны, а только они и могли состязаться с эскадрами Того; береговые броненосцы послужили лишь к увеличению нашего позора под флагом Небогатова. Если бы не было войны, то названные четыре броненосца строились бы, может быть, еще два-три года, испытывались бы и сидели бы в Балтике.

Таким образом, к началу войны Россия имела сильный флот в Тихом океане и строящийся в Балтийском море, причем затратила не одну сотню миллионов, но эти последние были даны министром финансов только потому, что надо было, во избежание войны с Японией, возможно скорее добиваться перевеса сил на море; если бы не было такой необходимости, т.е. не было острой назревавшей опасности, то мы ее не чувствовали бы и, конечно, не были бы столь щедры на деньги, а потому вряд ли были бы построены все боевые суда или по крайней мере некоторые из них.

Еще во времена Ванновского, при Вышнеградском, стоявшем во главе Министерства финансов, Россия поставила себе задачей иметь сильный Балтийский флот, фактическим подтверждением чего служат сотни миллионов, *выброшенных* на сооружение укрепленного порта Александра III в Либаве. Я говорю «брошенных», потому что, при возникновении новой политической задачи, перетянувшей центр тяжести наших морских сил на Дальний Восток, мы оставили Либаву без флота, а в таком случае сооружение ее порта стало совершенно излишним (скажу больше: это вернейший приз наших противников в случае войны на континенте Европы). Злосчастная идея укрепления Либавы состояла в том, что возможность содержания в ее порте достаточно сильного флота, способного, вследствие незамерзаемости вод, круглый год к активным действиям, исключала необходимость затрачивать миллионы рублей на оборудование, содержание и ремонт крепостей на побережье Балтийского моря: Рига, Балтийский порт, Ревель, Кронштадт, Выборг, Гельсингфорс и мало ли еще какие пункты побережья нуждались в обороне. Во исполнение этой идеи последовало фактическое разоружение крепости Выборга, представляющего из себя необыкновенной важности стратегический ключ к обладанию Финляндией и подступов из нее к нашей столице. Вообще же, при условии отсутствия явной опасности на Дальнем Востоке, осуществление идеи Либавы неминуемо приводило к ущербам, как нашего оплота на Тихом океане – Владивостока, так и тех морских сил, которые мы могли там сосредоточивать. Здесь, конечно, не место распространяться критикой идеи Либавы, но нельзя все-таки не заметить, что такое безумное выбрасывание средств государства, хотя бы исполненное десяток лет назад, все-таки вопиет о своем возмездии; во всяком случае, крайне желательно, чтобы оно было рано или поздно представлено на суд представителей народа, т.е. в Государственную Думу.

Кроме того, Либава сама по себе притягивала бы к себе наш флот и наших флотоводцев, не выпуская его на Дальний Восток, в силу существовавшего режима во флоте, а он, конечно, просуществовал бы бесконечное число лет, если теперь, после Цусимы и всенародного приговора и осуждения, все-таки существует или по крайней мере желает существовать. Никто из наших флотоводцев не увлекался дальними плаваниями, а предпочитал обыкновенно вырабатывание своих цензов в Балтийском море, где плавание обращалось в пикники, когда жилось беззаботно, уютно, вблизи своих семейных очагов, родных кабаков и трактиров столицы. К тому же плавание было непродолжительное, благодаря климатическим условиям. Замечательно, с каким неудовольствием готовились наши моряки даже к переходу в Либаву; то ли дело излюбленный Кронштадт? Я знавал одного адмирала, постоянно сидевшего на берегу, на тепленьких местечках, и был крайне удивлен, услышав, что он едет плавать на Дальний

Восток. Сам адмирал весьма хладнокровно объяснил мне, что у него накопилось много долгов и надо было поправить свои обстоятельства. И ведь поправил: после китайской войны вернулся и привез музей редкостей – целое состояние. Последнее время (до войны) любили еще плавать в Средиземном море, где наслаждались поэтической Ривьерой и гостеприимством французов, где плавание состояло исключительно из всяких празднеств, оплачиваемых нашими союзниками и нашей казною (Россия ведь могущественная держава, а потому никаких денег на представительство не жалела).

Полагаю, что при таком режиме во флоте вряд ли он скоро бы переселился из Маркизовой лужи во Владивосток.

Итак, следовательно, резюмируя сказанное о вероятном положении России на Дальнем Востоке, при условии несуществования колонизации Маньчжурии и захвата Квантуна, нельзя не предположить, что хотя бы через 10 лет, считая от 1903 года, она оставалась бы совершенно неподготовленной к борьбе с таким серьезным противником, каким была Япония уже к началу 1904 года, а за десять лет, конечно, имевшая полную возможность усилить свой флот и армию. Но ведь, как указано выше, Япония во всяком случае напала бы на Россию. Что же тогда случилось бы? А то, что мы и тогда ничего не знали бы о силах и средствах, готовности и намерениях нашего врага, как не знали этого и в 1904 году. Сидя на левом берегу Амура, мы, конечно, прозевали бы распространение влияния Японии в Маньчжурии и Корее, может быть, даже формирование ими там годных для боевых действий войск из китайцев. То нападение, которое позволили себе китайцы в Благовещенске, нами наказанное и дорого ими оплаченное, произошло бы несколько иначе. Японцы высадились бы в Уссурийском крае, прошли бы туда же из Кореи; добрались бы до нашей территории и из Маньчжурии. Война велась бы и с Японией и с Китаем, на нашей русской земле; желтая раса наводнила бы наши пределы, разрушала бы наши селения, дома, пользовалась бы нашими средствами и, может быть, отбросила бы нас к Байкалу. Теперь же мы воевали полтора года и, как ни плохо действовали, какие поражения ни понесли, но, кроме части Сахалина, ни один клочок нашей территории не был занят врагом; Китай не посмел стать на сторону Японии, не представляя из себя еще вооруженной силы. Да, мы были не готовы, у нас была плохая армия в смысле управления и командования ею, был флот, числившийся только на бумаге, а не как боевая единица, мы проиграли кампанию и заключили невыгодный мир... но зато мы теперь прозрели; мы узнали, что желтая раса сильна и опасна, что мы должны денно и нощно готовиться к борьбе с нею, а не спать и закрывать глаза на грядущую опасность; мы увидели, что государственный строй не выдержал своего государственного экзамена – войны, ибо, конечно, виноваты в наших поражениях не одни только армия и флот. Мы узнали, что наша народная масса коснеет в невежестве и именно поэтому неспособна выполнить свою историческую миссию на востоке; только ее просвещение и образование позволит нам действительно использовать ту многомиллионную боевую силу, которой мы так гордились, и на которую так уповали не только мы сами, но и наши союзники французы. Мы поняли, что в современном бою мало одной беззаветности, а нужно еще сознательное желание побеждать врага во что бы то ни стало, для чего необходимо не только муштровать бойцов, но развивать и воспитывать их, как это учил Драгомиров, которого мы не признали. И если талантливый немецкий писатель Хениг говорил в девяностых годах прошлого столетия, что он счастлив тем, что германский солдат уже размышляет, то мы только по горькому опыту последней войны убедились, что у нас не размышляет и большинство офицеров. Мы убедились также, что звание генерала есть пустой звук, если генералы нуждаются в няньках, а их няньки – безответственные офицеры Генерального штаба – с видимыми знаками невидимых стратегических и тактических познаний оказались слабыми в исполнении своего служебного долга и неопытными во всех видах и проявлениях своей служебной деятельности.

Мы все это увидели скорее, раньше, благодаря тому, что инстинктивно пошли навстречу несознаваемой ясно, но как бы предугадываемой опасности, и произвели сами фактически

наступление на желтую расу, вторгнувшись на тысячи верст в ее территорию, и таким образом встретили врага далеко за пределами нашего отечества; мы оросили своею и вражескою кровью не русскую землю, а Маньчжурию. Конечно, Китай, может быть, не простит нам попирания его земли и народа, но, в сущности, не мы тому причиной, не мы накликали на него бедствия войны, так как старались внести свою цивилизацию в Маньчжурию мирным путем: путями сообщений, торговлей и промышленностью; Япония была и останется зачинщицей войны. Во всяком случае, несчастная война разбудила нас; мы обновимся, усовершенствуем наш государственный строй, поставим на современную высоту воспитания и техники наши вооруженные силы, и, кто знает, не настанет ли время, когда теперешние враги наши будут в нас заискивать и жить с нами в полном согласии, даже без того, что мы осуществим свое возмездие – реванш (кстати сказать, о котором никто еще никогда не вспоминал). В общем, результаты несчастной проигранной нами кампании кажутся мне все-таки выгоднее тех, которые могли бы оказаться при условии начала расовой борьбы не в 1904 году, а пять – десять лет позднее, в Уссурийском крае, в Приамурье, а не в Маньчжурии. А если со мною в этом согласятся, то, вероятно, и не поставят мне в укор того, что я готов одобрить инициаторов нашего наступления в Маньчжурию и на Квантун в конце минувшего столетия: они оказали существенную услугу родине, предотвратив от нее в будущем более горькие беды, а, главное, заставили самой войной отрешиться от рутины и стать на путь прогресса. Конечно, я не имею в виду тех прикосновенных к делу, благодаря кому мы точно нарочно обостряли наши отношения с японцами, англичанами и американцами непосредственно перед войной.

В ноябре – декабре 1903 года мне пришлось все-таки подумать о возможности осложнений на Дальнем Востоке. Япония не могла двинуть по сухому пути ни одного солдата ни на какой театр военных действий; в случае нападения на Россию ей надо было прежде всего произвести операцию десанта своих армий где-либо в Корее, Маньчжурии или Уссурийском крае; при наличии богатого коммерческого флота, как у Японии, эта операция фактически возможна в самых больших размерах, тем более что удаление берегов Японии от берегов вероятных театров военных действий с Россией относительно невелико; затем флот является лучшим и удобнейшим коммуникационным средством для высадившихся армий. Однако высадка осуществима только в том случае, когда ее выполнение обеспечено от противодействия сухопутных и морских сил противника; первое препятствие в данном случае было не слишком серьезно, так как на Дальнем Востоке имелось незначительное число русских войск; кроме того, операция десанта относительно легка при условии господства на море, ибо выбор места высадки и времени ее выполнения принадлежат наступающему. Следовательно, осуществление Японией наступательной войны, т.е. возможность производства высадки ее армиями, зависела исключительно от того, могла ли она тотчас же, в самом начале военных действий, получить уверенное, полное превосходство сил на море; поэтому, если бы в дни омрачения политического горизонта в ноябре и декабре 1903 года произвести точное сравнение сил японского флота и нашей Тихоокеанской эскадры, то можно было бы прийти к определенному заключению о возможности для Японии начать войну с Россией. Говорю «для Японии», а не «для России», потому что наше правительство, по-видимому, войны не хотело и, казалось, было готово идти на некоторые уступки в целях предотвращения этого бедствия. Решить такую задачу по силам только специалисту морского дела, и поэтому, как ни старался я выводить боевые коэффициенты сравниваемых сил подсчетом судов, их бронирования, их артиллерии и водоизмещения, конечно, не мог прийти к определенному заключению. Однако, как казалось мне тогда и кажется еще и теперь, эти коэффициенты для японской и русской эскадр были почти одинаковы, по крайней мере имея в виду эскадренный бой в открытом море; японцы имели лишь безусловное превосходство в судах береговой обороны и минной флотилии.

Но, кроме цифровых данных, доступных более или менее каждому из нас, надо было принять в расчет еще иные коэффициенты, а именно: систему постройки флота, качество его

материала, что знают только специалисты дела, и, наконец, нравственный элемент, т.е. качество командного состава, качество адмиралов, офицеров и судовых команд, их боевую подготовку. Если я мог судить наверняка об этой огромной величине, играющей колоссальную роль в бою в отношении нашей сухопутной армии, и подозревал тогда же (перед войной), что японцы не побоятся померяться с русскими войсками, так как последние за десятилетие только ухудшались, а японская армия, уже сделавшая за тот же период времени одну победоносную кампанию, непрестанно прогрессировала, то мог ли я думать, что японцы считали нашу Порт-Артурскую эскадру неспособной оказать какое-либо сопротивление их десантным операциям с самого начала военных действий и уже наметили все средства, чтобы обеспечить себе наверняка благоприятную обстановку. Я не мог знать также, что наша вспомогательная эскадра («Ослябя», «Аврора» и др.), шедшая на усиление Артурской и уже находившаяся в Средиземном море, осенью 1903 года, не придет своевременно, так как какому-то адмиралу по семейным обстоятельствам нужно было пребывать в Ривьере. Я не ведал, конечно, что мы упустили покупку двух великолепных бронированных крейсеров 1-го ранга и предоставили усилиться ими более бедным японцам; что наше морское министерство решительно не отдавало себе отчета в том, что нужно делать с нашим уже достаточно многочисленным в то время флотом, и что поэтому большая часть судов могла с успехом числиться в списках, но в то же время не играть никакой роли как боевые единицы; что у нас не было ни одного адмирала, способного руководить в бою эскадрой; что лучшие из них не допускались на службу в Тихий океан, что флотские офицеры и весь личный состав флота далеко не на высоте своего назначения; что наша сильная Тихоокеанская эскадра будет разбросана наместником-адмиралом чуть не по всем портам Тихого океана, а основное ее ядро, служившее оплотом обороны Артура, даже после разрыва дипломатических сношений с явно готовившимся к борьбе с нами сильным и коварным азиатом, не примет никаких мер боевой готовности и даст возможность захватить себя спящим и врасплох. Повторяю, что я не знал ничего этого, и поэтому верил, что наш Тихоокеанский флот, представляя из себя по спискам внушительную силу, мог заставить японцев и не решиться открыть военные действия, а ограничиться одними угрозами, чем добиться всяких уступок и компромиссов.

Ввиду всего вышесказанного меня как громом поразило известие о разрыве Японией дипломатических сношений, а на следующий же день телеграмма о выводе из строя Артурской эскадры двух наших сильнейших броненосцев и одного крейсера, а также о бомбардировке крепости. Что японцы атаковали наши суда – в этом особой неожиданности быть не могло, потому что, при условии разрыва дипломатических сношений, начало военных действий, конечно, было близко, но поражала халатность, невнимание со стороны нашей администрации и флота, допустивших подставить всю эскадру под внезапную, совершенно неожиданную атаку. Этот фатальный несчастный случай сразу указывал на нашу полную неготовность к войне и служил вообще дурным предзнаменованием, а потому я сразу потерял всякое доверие к нашим морским силам. Оставалось надеяться на сухопутную армию, к которой и должен был перейти центр тяжести всей серьезной борьбы. Итак, благодаря нескольким печатным строкам официальной телеграммы, гласившей о пробоинах на «Ретвизане», «Цесаревиче» и «Палладе», нам русским людям пришлось узнать следующее: русский флот не в состоянии меряться силами с японским, и японцы неминуемо выберутся на материк Азии, где присутствие их для России нетерпимо; конечно, они высадутся в достаточных силах, ибо по количеству своего народонаселения Япония равняется Германии, а последняя легко выставляет два миллиона бойцов; поэтому Япония может легко мобилизовать несколько сот тысяч солдат и перевезти их в кратчайший срок на своих многочисленных торговых судах; Россия в данное время имеет сравнительно незначительные силы близ самого театра военных действий, а ее неисчерпаемый многомиллионный запас боевых сил должен быть доставлен в Маньчжурию по единственной колее более 10 000 верст длиною, с перерывом ее озером Байкалом и крайне

ограниченную провозоспособностью; японская армия воодушевлена чувством идеи патриотической войны, являвшейся средством расширить свои слишком тесные для ее народонаселения пределы, получить влияние на весь континент Азии, сделать своим орудием такую страшную силу, как Китай, и наконец отомстить России за ее преобладание в Маньчжурии, за посягательство на Порт-Артур, уже взятый японцами с боя, с пролитием своей крови; эта армия желтой расы готовилась десяток лет исключительно для борьбы с Россией; она была так воспитана и обучена; ее начальники были осведомлены о своем противнике, в совершенстве знали театр войны и жаждали показать учителям – немцам и союзникам – англичанам, что они достойны их и даже опередили их своею военною культурою и своим военным искусством.

Русская армия не могла быть воодушевлена идеей национальной войны, ибо не только солдаты, но и офицеры и высшие военные начальники нисколько не интересовались Дальним Востоком. Однако дерзость объявления войны ничтожным, как тогда казалось, по пространству, территории и численности народонаселения государством, коварство нападения на наш флот все-таки могли воодушевить наши войска, хотя, конечно, это воодушевление не могло соответствовать японскому. Если же принять во внимание хорошо мне известные данные, вроде полного отсутствия в нашей армии способных и талантливых, а главное, самостоятельных начальников, наличие неотчетливого, избалованного и несведущего Генерального штаба, отсутствие образования и дисциплины среди офицеров во всей их массе, то мне было ясно, что, не имея превосходства сил над врагом, а в первое время и значительно уступая ему в силах, нам придется очутиться в крайне тяжелом положении, что война будет серьезна, продолжительна и потребует от отечества и армии небывалых энергии и напряжения. Я утешал себя тем, что все-таки русский солдат представляет из себя превосходный боевой материал, а во время войны, конечно, выдвинутся тотчас наиболее честные, талантливые офицеры, что с первых же выстрелов начнет прививаться дисциплина и ответственность, исчезнут протекция, интриги, карьеризм, зависть и воровство, что, постепенно подвоя войска, усиливаясь, мы соберем армию удовлетворительного количества и качества и все-таки слошим армию врага, не имеющего столь славной боевой истории, как наша. Предчувствовать в момент начала военных действий такое ужасное поражение, какое мне пришлось пережить в составе Маньчжурских наших армий, я, конечно, не мог; я знал только, что борьба будет тяжелая и упорная.

Затем передо мною возник вопрос, касающийся исключительно меня самого. Мог ли я, имел ли я право в данную минуту, когда враг посягнул на честь и достоинство моего отечества, продолжать оставаться мирным гражданином и не стать в ряды боевой армии, не вернуться к тому делу, к которому чувствовал призвание, привык служить с самых юных лет и, конечно, сознавал в себе силы и энергию быть полезным. Я мог покориться участи быть вынужденным уйти из рядов армии в мирное время, когда ничто не угрожало отечеству, тем более, что, я знал это наверное, стоявшие в то время у высшей военной власти люди не позволили бы мне вернуться; но теперь я считал своим долгом перед отечеством стать в ряды его защитников и отдать свою жизнь за святое дело России.

Весь день 27 января ходил я по улицам столицы, толкался в редакции газет, страстно желая получить какие-нибудь сведения о событиях, и иногда совершенно забывал, что сам я не был военным. Ночью я принял бесповоротное решение немедленно обратиться к государю и умолять его послать меня на войну. Благодаря содействию некоторых лиц, дело свелось к формальности подачи прошения через дежурного флигель-адъютанта, потому что уже 3 февраля я получил достоверное извещение, что государь император всемилостивейше соизволил разрешить мне вернуться в армию, а ввиду моего желания сражаться соизволил назначить меня в одну из частей войск, расположенных на Дальнем Востоке. Мое прошение было передано военному министру приблизительно в то время, когда состоялось назначение генерал-адъютанта Куропаткина командующим Маньчжурской армией; затем оно, конечно, попало в Главный штаб и там, по странной случайности, провалялось без движения целую неделю.

По частным справкам от товарищей я узнал, что оно было направлено в отделение, ведавшее назначениями офицеров Генерального штаба, и оттуда не выходило; говорили, что начальник отделения внезапно заболел и, как раз перед приступом болезни, захватил мое прошение на дом. Желая возможно скорее отправиться на театр военных действий, мне пришлось пережить порядочно беспокойств. В особенности же казалось несправедливо, что милость государя, которой я был осчастливлен, по-видимому, почему-то досаждала бюрократам Генерального штаба. Я обратился в Канцелярию главной квартиры и просил о содействии. Мне посоветовали подать жалобу на Главный штаб, но как раз в день посещения мною этого учреждения, я узнал, что Главный штаб экстренно затребовал мои бумаги из Управления железной дороги. Я отправился за ними в Министерство путей сообщения, так как был причислен к Министерству. Там мне устроили все в одну минуту, и я явился в Главный штаб. Меня послали сперва в отделение Генерального штаба, но там заявили, что прошение уже передано в отделение, ведавшее определением на службу из отставки. Войдя в это отделение, я тотчас узнал в его начальнике одного из многочисленных офицеров, состоявших при начальнике Главного штаба. О, сколько таких досиживают до тепленьких местечек! Я знал, что этот господин не из симпатизирующих мне, и потому приготовился на всякие трения. Действительно, полковник Лукьянов объяснил мне следующее: «Вас, как кавалериста, следует назначить в Приморский драгунский полк, что особенно удобно, потому что командир полка старше вас в чине, а почти все командиры стрелковых полков моложе вас; но так как в Приморском полку нет вакансий, то приходится назначить вас в пехоту». Конечно, я был бы счастлив служить и в сибирских стрелках – лишь бы сражаться, но естественно, что человеку, сознательно, по призванию служившему в одном роде войск, приятнее попасть в свою сферу, в коей он чувствует себя опытнее и сильнее; да и для пользы службы всегда выгоднее эксплуатировать способности человека согласно его призванию. Ввиду сего я попросил полковника объяснить эти доводы исправлявшему должность начальника Главного штаба и указать, что сверхкомплект на войне не может быть вреден. На это я получил резкий ответ, что все равно ничего не выйдет. Нечего делать, пришлось обратиться к протекции, и через час у меня в руках было письмо от имени высокопоставленного лица, интересовавшегося моею судьбою. Я прождал около 4 часов, пока не кончилось какое-то заседание, и наконец предстал перед генералом, ведавшим Главным штабом. Сперва он не пожелал и разговаривать, но когда я назвал, от кого имею письмо, то оно было немедленно прочтено, и меня обнадежили назначением в драгуны. 15 февраля, ровно через две недели со дня Резолюции государя императора, состоялся высочайший приказ о моем назначении.

В одиннадцать дней я устроил свою семью, сдал три исправляемые мною должности на железной дороге, снарядился и 27 февраля уже выехал из Петербурга. Не могу обойти молчанием оказанного мне сочувствия со стороны сослуживцев по Управлению Петербурго-Варшавской железной дороги в отношении скорого освобождения меня от служебных обязанностей и напутствия на Дальний Восток; несмотря на то, что я прослужил с ними всего 8 месяцев, они устроили мне торжественные проводы с молебном, на котором священник благословил меня художественной работы складнем, с выгравированной следующей надписью: «Дорогому К. И. Дружинину Благословение сослуживцев по Управлению С.-Петербург-Варшавской ж. д.». Я никогда не забуду столь сердечного отношения ко мне этих верных сынов Родины, тотчас же по объявлении войны установивших вычет из своего содержания на нужды войны, и слова благословлявшего меня отца:

«Ты, воин Константин, благую часть избрал, ибо идешь на поле брани по собственному желанию, а больше сия никто же иметь, как кто душу свою положит за други своя». Как часто вспоминал я эти слова в боях и передавал их солдатам, умиравшим за Веру и Родину на моих глазах. Дорогие товарищи по Управлению дороги, верьте, что я честно исполнил свой долг, и, если судьбе угодно было пощадить мою голову, то я в этом неповинен, а наоборот, с своей стороны даже иногда делал все, чтобы найти себе славный конец на полях Маньчжурии.

Министерство путей сообщения также оказало мне всякое содействие по отправлению на Дальний Восток; мне выдали даровой билет 1-го класса до Порт-Артура с такими словами: «Вы наш служащий, и, хотя получите прогоны от военного ведомства, мы должны сами вас доставить на театр военных действий».

Собираясь в поход в первый раз в жизни, я, конечно, был неопытен в отношении практики походного снаряжения, и поэтому мне пришлось порядочно побегать в Петербурге по всяким магазинам за предметами для похода. На меня произвело странное впечатление, что, куда бы я ни пришел, везде видел исполнение заказов Куропаткина для его походного двора. Кажется, не было ни одного дорожного магазина, который не строил бы какие-нибудь погребцы, приборы и тому подобные вещи – все в массовом количестве и с инициалами командующего армией. Этот походный шик производил если не неприятное, то во всяком случае странное впечатление. Продолжительные сборы Куропаткина вообще казались мне неуместными, а тут еще эти погребцы; не лучше ли было немедленно прибыть на театр военных действий и поменьше думать о комфорте и собирании оаций и напутствий.

Не могу не коснуться деятельности Главного штаба, насколько мне пришлось наблюдать ее при своем определении на службу. Армия бумажных офицеров, застывшая в своей канцелярской рутине, по-видимому, нисколько не была воодушевлена войной и даже не интересовалась ею; наоборот, это событие ей было более чем неприятно, причиняя лишнее беспокойство; а следовательно, и те люди, которые стремились попасть на войну, являлись в этом отношении особенно несносными номерами. Помню, встретил там одного молодого человека, красавца, атлета по физическому строению; вот что он сказал мне: «Помилуйте, посмотрите на меня: разве я негоден для военной службы? Средств мне не нужно – я человек обеспеченный; здоровье мое адское, служил офицером в кавалерии, страстный охотник, спортсмен; а меня решительно не хотят принять на службу, да главное и добиться какого-нибудь путного ответа невозможно; придется искать протекции». Вероятно, он так и сделал, потому что я встретил его на войне офицером. Не спорю, что среди массы людей, предлагавших свои услуги для военного времени, а особенно среди стремившихся в конные части, было много совершенно негодного элемента, который, будучи принят, не принес отечеству никакой пользы, а только ввел казну в большие расходы. Однако не поощрять порыва сражаться вообще нельзя, и, чтобы выйти из затруднительного положения, Главному штабу следовало отнестись к делу серьезнее и применить, например, следующие меры:

1. Прежде всего следовало вообще отнестись сочувственно к стремлению молодежи попасть на войну, как нижними чинами, так и офицерами.

2. Нижними чинами – волонтерами следовало брать решительно всех удовлетворявших требованиям воинской службы, т.е. отказывать только физически слабым и преступным; можно было делать всякие снисхождения в возрасте, если только субъект оказывался крепкого и сохранившегося здоровья. Ведь было ясно, что тотчас на театре войны начнется убыль, и потребуются укомплектования. Не служивших ранее в войсках волонтеров следовало привлекать на 2-месячное обучение, для чего немедленно учредить особые пункты хотя бы в числе трех: один в Европейской России, один в Западной и один в Восточной Сибири, конечно, на линии железной дороги в Маньчжурию. Тогда была бы достигнута подготовка отличного боевого материала, шедшего сражаться по призванию, причем весь материал был бы на испытании, и в течение двухмесячного обучения легко было удалить негодный элемент, искавший лишь случая пристроиться на казенные хлеба. Набор волонтеров, конечно, можно было допустить только в пехоту, а не в конные части. Волонтеров из казаков можно было отправлять и немедленно, при условии аттестации войсковым начальством.

3. Что касается до офицеров, то тут выбор должен был быть очень строгим по той причине, что большинство оставляющих ряды армии офицеров вообще невысокого качества, а многие из числившихся даже в запасе были удалены из частей за неспособность, пьянство, кар-

точную игру и вообще неблагоприятные поступки. Такие офицеры шли не из желания сложить свою голову за Родину, а просто, чтобы вновь как-нибудь устроиться и получать содержание. Я знаю массу таких и утверждаю, что они не выказали никакой доблести и на театре военных действий служили только обузой или даже приносили вред армии, а своим поступлением на службу похитили массу казенных денег, да еще стоили огромных непроизводительных расходов на свое содержание не только во время войны, но и долго после нее (и сейчас, в 1908 году, вероятно, существуют такие дармоеды). Следовало поступать так:

а. Не выдавать подъемных и прогонных денег, служивших главной приманкой, составляя для штаб-офицера около 3000, а для обер-офицера около 2000 рублей. Надо было предложить всем экипировываться (конным заводить лошадей) на свой счет и давать только предложение на проезд по железной дороге и суточные деньги на весь путь – примерно на 6 недель. Затем уже можно было разрешить ближайшему начальству таких офицеров, по прослужении последними непременно в строю (а не в штабах или личными адъютантами и ординарцами) некоторого времени и при условии участия в боях, ходатайствовать о выдаче им пособий на снаряжение (конным на лошадей и выюки), но, конечно, в размере не большем 500—600 рублей. Уверен, что, при соблюдении такой меры, государство сохранило бы в своем казначействе много денег, а армия не получила бы много негодного материала, который шел на войну исключительно из личных выгод и главным образом из-за материального расчета, не будучи в состоянии, по своей неспособности к серьезному труду и по своей безнравственности, снискивать себе пропитание в мирное время. Конечно, человек, стремившийся на войну ради выполнения великой заповеди положить душу свою за други свои, даже бедный, нашел бы несколько сот рублей, необходимых для своего снаряжения, среди окружающих его членов общества, при существовавшем в первое время военных действий известном воодушевлении войною последнего. И если бы такой достойный сын отечества принес бы пользу, то правительство могло бы вознаграждать его деньгами хотя бы и после войны, а также обеспечить его семейство, если бы он положил свою голову на поле брани или умер от ран или истощения сил. Давать же, как это делалось в 1904 году, щедрою рукою казенные деньги всяким выгнанным из полков за скандалы, пьянство, неблагоприятные поступки и даже преступления было крайне безнравственно.

б. никоим образом не следовало назначать добровольцев – офицеров в кавалерию, т.е. в казаки, по следующим причинам: на театре военных действий находилось всего 3 полка регулярной кавалерии, а следовательно, их всегда и с избытком можно было комплектовать офицерами из строя, которым приходилось отказывать, ввиду огромного числа желающих; ими же следовало комплектовать и казачьи части, так как это были все надежные испытанные люди, и они такими и показали себя на войне. Между тем именно среди добровольцев-офицеров из запаса и даже из пехоты было наибольшее стремление попасть в казаки по весьма простой причине: бракованный, негодный материал понимал, что в кавалерии была меньшая опасность попасть под действительный огонь (конечно, при личном желании, но, к сожалению, это было на самом деле). Я посмотрел бы, поехали ли бы такие любители сражаться в рядах стрелков под Ляояном, Шахэ – Бенсиху и Мукденом, где офицеры иногда погибали славною смертью до последнего; конечно, всем этим блестящим кавалеристам было несравненно отраднее получать свои награды под фирмами Ренненкампфа, Мищенко и Самсонова. Такие офицеры являлись настоящим бременем для сотен, в которые назначались, требуя лошадь, денщика, вестового и, конечно, на руки все довольствие лошади; в разведке они пользы не приносили, в бою уклонялись, и все это совершенно безнаказанно, потому что, по сравнению с пехотной боевой службой, были всегда вне фактического контроля своих начальников.

Ни одной из перечисленных мною мер Главный штаб не озаботился. Он, правда, одинаково нелюбезно встречал каждого офицера и старался его не допустить в действующую армию, но зато молодежь обращалась к протекции и получала все, что искала, т.е. деньги и назначение в казаки. Приведу несколько примеров: в один казачий полк прибыли три таких экземпляра;

один прослужил несколько месяцев в драгунском полку нижним чином во время турецкой войны 1878 года; затем был все время в отставке и теперь пожаловал в чине хорунжего, имея 50 лет от роду и принеся лишь познания по драматическому искусству и полицейской службе; этому надо было расплатиться с долгами; другой был удален из пехоты за подозрительную игру в карты, а третий, тоже преклонного возраста, даже неизвестно когда и где служил. Все трое были в самом скором времени отправлены в тыл на нестроевую службу. Знаю подъесаула, который даже не доехал до полка, а сперва прилип к одному штабу, потом к другому, не слышал ни одной пули, прикинулся контуженым, эвакуировался и долго разыгрывал героя не только в России, но и во Франции. О, сколько таких! За что были брошены на них государством не одна сотня тысяч рублей!

Если мне возражат, что, обставляя так строго и скупое, дело поступления в армию волонтеров-офицеров, мы лишились бы, может быть, многих из них, то уверенно повторяю, что мы могли комплектовать казаков из строя регулярной кавалерии, а, отказав в приеме вышеописанным типам, только избавили бы армию от негодного элемента. Тот, кто действительно хотел сражаться, сумел бы попасть на войну и не на казенные деньги.

Мне пришлось остановиться в Москве, и я был там как раз в то время, когда отправившейся из С.-Петербурга командующий русской Маньчжурской армией принимал напутствие Первопрестольной столицы, в ответ на которое он изрек исторические слова: терпение и терпение. Откровенно сказать, в то время я не обратил на них никакого внимания, и вот почему: война есть такое серьезное и страшное дело, которое несравненно более чем какое-либо иное историческое событие зависит от слишком разнообразного и бесчисленного количества элементов, а потому предсказать заранее исход борьбы между двумя могущественными державами слишком трудно, если не невозможно. Конечно, когда идет речь о состязаниях несоизмеримых по своим силам величин, например Турции с Грецией, Англии с Трансваалем, Европы с Китаем, то вряд ли можно сомневаться в торжестве сильнейшего над более слабым, но ко времени открытия военных действий на берегах Тихого океана, в начале 1904 года, несмотря на кажущуюся колоссальную мощь России, всякий здравомыслящий человек понимал, что именно на своей дальневосточной окраине она была слишком уязвима, благодаря пространству и времени, потребным для сосредоточения ее сил и средств, а маленькая Япония, равная, однако, по количеству народонаселения Германии, вероятно, набралась сил, если дерзнула посягнуть на честь и достоинство Европейского колосса. Следовательно, в данном случае никакие речи, фразы и слова, в смысле предсказания результатов войны и даже ее хода, исходившие хотя бы и из уст главного руководителя нашей вооруженной силы, призванного отстаивать честь и достоинство России в Маньчжурии, не могли иметь никакого значения. При той неподготовленности к войне на Дальнем Востоке и полном ее нежелании России, при той, к сожалению, для нее полной неожиданности, какая оказалась на самом деле, разве можно было что-нибудь предвидеть в начале марта 1904 года?

Конечно, такая обстановка (туманная) никоим образом не должна была казаться русским людям безнадежной, ибо наш славный исторический опыт говорил, что наше отечество не раз испытывало тягчайшие бедствия, но всегда выходило из них торжествуя и побеждая. Если даже считать, что в минувшем столетии обе наши последние войны: 1854—1855 и 1877—1878 годов были неудачны (последняя только политически, потому что стратегически мы победили, сокрушив армию врага и открыв себе дорогу в Константинополь), то разве затем мы не считали себя в состоянии меряться силами с целой коалицией первоклассных европейских держав один на один, потому что наш союз с Францией был заключен только в самом конце столетия. Наконец, разве мы, русские люди, не должны были иметь уверенность в своих силах, в своих мужестве и стойкости, проявленных нами бесчисленное число раз во всех наших войнах. Повторяю, обстановка не могла казаться нам безнадежной.

Однако Куропаткин решился что-то сказать или предсказать, и тогда слова его, принятые как нечто логическое и скромное, были комментируемы в благоприятном для него смысле, а именно: их считали логическими, потому что наш вождь, казалось, заранее взвешивал трудность обстановки и указывал, что не гонится за быстрым успехом, что враг серьезен, а мы еще не готовы; скромными, потому что человек не хвалился, идучи на рать, а даже заранее намекал на возможность своих неудач. Скажу, однако, смело, что такое благоприятное для Куропаткина толкование его слов «терпение и терпение» существовало только потому, что тогда еще никто не думал о возможности неблагоприятного исхода кампании, а вообще к серьезному и страшному делу войны относились слишком легко и несерьезно. А если бы этого не было, то каждый из нас мог из этих трех роковых слов Куропаткина увидеть только одно, а именно: что Россия вверяла свою вооруженную силу человеку, совершенно неспособному побеждать. Действительно, как мог полководец, еще ехавший к своим войскам, оповестить всему миру, что прежде всего следует ожидать услышать о неудачах этих войск. Если бы возможность таких неудач и сознавалась бы самим полководцем, то он должен был держать это про себя, потому что, во-первых, этих неудач еще не было, и, следовательно, они могли и не быть, а во-вторых, объявлять о них устами наивысшего на театре военных действий начальника и авторитета значило разрешить возможность неудач – поражений, их узаконить. Роковые слова немедленно, еще до вступления Куропаткина в командование армией, сделались ее достоянием; они были первым воззванием вождя к бойцам, а между тем вот что они им сказали: «Сейчас наш враг слишком силен и грозен, а мы слишком слабы и тягаться с ним не можем; со временем, когда мы соберемся с силами, то начнем действовать, но для этого нужно время и время; поэтому пока можно шадить себя и свои силы в надежде на будущее, когда подойдут другие и нас выручат». И это сказал полководец, опытный воин, бывавший во многих сражениях, ученик и сподвижник Скобелева! Но ведь таким воззванием Куропаткин сразу посеял среди своих войск зерно разврата! Любое сражение, даже самая ничтожная стычка требуют от бойцов упорства, стремления не уходить из боя и победить во что бы то ни стало, – это есть стимул доблести и мужества; но в то же время в любом человеческом организме живет чувство самосохранения, стремление избавиться от тягости боя, а потому официально высказанный намек на то, что сперва можно будет сдавать, и только впоследствии – позднее выполнять, конечно, способствовал торжеству подлости человеческой природы над ее доблестью. От Тюрнечена до Ляояна в Маньчжурской армии повторяли только: заманивай и хо-ла-ла (по-китайски «иди назад»). Какой жалкий пример полководца, сумевшего развратить свою армию, не доехав до нее на 10 000 верст!

Поэтому, думается мне, в Москве говорил не полководец, шедший сражаться во имя интересов Родины – государства, а человек, на долю которого случайно выпала частная задача, причем выполнение последней заключалось в том, чтобы удовлетворить свои личные расчеты и интересы, хотя бы приобретением славы, почестей и популярности; а тогда, естественно, из чувства личного самосохранения, ради желания обеспечить себе путь отступления на случай всегда возможных неудач и был сделан заблаговременно намек на эту возможность.

3 марта в Москве я сел в скорый поезд и вплоть до самого Иркутска ехал на войну с такими же удобствами, как ездил в Париж в норд-экспрессе. В одном вагоне со мною помещился один генерал-лейтенант Генерального штаба, назначенный в распоряжение наместника. Должен остановиться на этой личности, так как он сам и вся его служба представляют рельефнейшую картину безответственной и бесполезной, но безумно оплачиваемой, службы многих офицеров Генерального штаба. Он считался специалистом по железнодорожному делу и долго служил в главном штабе, в отделе по передвижению войск и военных грузов, во времена министерства Ванновского; он готовился стать во главе отдела, но новый военный министр Куропаткин назначил на это место своего клиента из Закаспийской области. Обойдя таким образом генерала прямым и естественным назначением, его, конечно, отлично устроили в смысле

положения и содержания. И вот при главном штабе явился генерал для поручений по стратегии проведения и эксплуатации нашей железнодорожной сети; ежегодно он получал командировки и странствовал по нашим отдаленным окраинам, представляя свои о них отчеты и соображения, получая за это, конечно, огромные суточные и прогонные. В китайскую войну он также устроился на Дальний Восток, где занимался, кажется, эвакуацией наших войск; не мудрено, что и сейчас он уже стремился в распоряжение наместника. Генерал весьма откровенно (ему и в голову не приходил служебный разврат его командировки) объяснил мне, что надеется быть назначенным начальником железнодорожного отдела полевого штаба наместника, а в таком случае имеет получить столько-то тысяч содержания и дотребовать столько-то тысяч прогон. Каждому даже не военному, а тем более офицеру Генерального штаба, было ясно, что, если наша действующая армия базировалась на единственную нашу железнодорожную линию в Маньчжурии, т.е. Восточно-Китайскую дорогу, и при армии был начальник военных сообщений, то уже его функции было вполне достаточно для надзора в военном отношении за деятельностью дороги; для Забайкальской и Уссурийской железных дорог, пролежавших вдали от непосредственного тыла армии, конечно, за глаза было деятельности заведующих передвижением войск в Иркутске и Хабаровске. Но генералу ведь было нужно быть на войне, иметь соответствующее его рангу положение и в особенности обогатиться казенными деньгами. Ясно, что он страстно желал получить такое место. По-видимому, однако, он еще не знал, как себя держать. В глубине души он не мог не сознавать, что путешествие его на войну по крайней мере бесполезно; кроме того, он не был уверен в своем назначении на названную должность при наместнике⁴; поэтому разыгрывать роль высокопоставленного начальника было еще рано; но, привыкнув вообще считать себя начальником на железных дорогах и предвкушая вероятное назначение, он иногда все-таки проявлял свое значение и власть, осматривая следовавшие эшелоны войск, продовольственные пункты и т.п. Конечно, он находил все в полном порядке; главное же занятие генерала состояло в том, чтобы отослать с дороги 150 открыток, потому что его провожало в Петербурге ровно 150 человек знакомых. Подъезжая к Иркутску, генерал начал более входить в роль особы и послал приказание полковнику Генерального штаба, заведовавшему передвижением войск, о предоставлении ему в дальнейшем пути отдельного вагона с особым фонарем (стеклянная веранда), из которого, говорил мне генерал, так удобно любоваться видами Забайкальской дороги. Увы, полковник не только не исполнил приказа, но даже не потрудился выехать навстречу, и генерал был вынужден сам ехать в его управление, находившееся далеко от вокзала, на другом берегу реки. Сколько, наверное, было хлопот и этому управлению и управлению дороги, а также телеграфу, по доставлению и отправлению тысячей распоряжений и донесений военной командной власти. На мой естественный вопрос, как может устраиваться в столь горячее время военный агент, состоящий при дороге, в нескольких верстах от вокзала, генерал убежденно ответил мне: «Конечно, ему так удобнее в смысле своей квартиры».

От самой Москвы мы все время обгоняли воинские поезда со стрелками, экстренно высланными из Европейской России на формирование третьих батальонов стрелковых сибирских полков; это был отборный народ, ехавший весело, с большим воодушевлением. Я встретил также много – слишком много – санитарных поездов и отрядов Красного Креста; все они могли бы приехать значительно позднее, и боевой элемент был нужнее; правда, их потом задерживали по всей линии.

Один раз ночью в наш поезд ворвались три пьяных офицера, отставших от своих эшелонов, причем один из них был даже ротным командиром (!!). Озеро Байкал мы переехали

⁴ Еще до войны был возбужден грандиозный проект представительства наместничества при железных дорогах района наместничества, не получивший, к счастью, своего осуществления. Тем не менее железнодорожный отдел при наместнике был уже сформирован, и начальником его назначен инженер-полковник (небывалый случай – не офицер Генерального штаба), а потому генерал, нацеливаясь на это место, справедливо опасался, что ему его не уступят.

при чудной погоде. По льду тянулись колонны укомплектования стрелков, и, о удивление, за ними ехали подводы с громоздкими сундуками солдатских вещей (точно шли не воевать, а устраиваться на квартирах). К чему тащили с собой этот ненужный скарб, загружая им сперва вагоны, а потом платформы станций, совершенно не понимаю. За Байкалом мы ехали уже гораздо тише, со скоростью воинских поездов, вне всякого расписания вследствие забитости станций. Генерал считал, что наш вагон предоставлен в его распоряжение и держал себя хозяином, но на него не обращали никакого внимания, а набравшиеся в вагон офицеры держали себя довольно неприлично и в особенности грязно, так что делалось противно входить в уборные; должно быть, они считали, что надо было, в виде подготовки к военным действиям, держать себя понахальнее и погрязнее. Однако воодушевления они выказывали немного. Один – из запаса, сделавший уже китайский поход и носивший анненский темляк, говорил, что устроится в качестве знающего иностранные языки в каком-нибудь тыловом штабе, а другой выражал сомнение в возможности разыскать свой полк и также просил устроить его в тылу.

Глава II. Служба по охране побережья Ляодунского залива в составе Приморского драгунского полка с 22 марта по 11 апреля

В Мукдене помещалась главная квартира наместника, и мы расстались с генералом. На прощание он сказал мне, что получил ожидаемую должность, хорошую квартиру и надеется иметь отличный стол (за обедом играет музыка). Я продолжал свой путь с необыкновенной медленностью, выжидая на каждой станции по несколько часов; только в Ляояне – штаб-квартире Куропаткина – поезд проскочил довольно скоро, и я не получил никаких указаний на станции, куда направиться, но, руководствуясь сведениями, данными мне еще в Петербурге одним товарищем, служившим в главном штабе, попал совершенно точно в место расположения Приморского драгунского полка: один эскадрон стоял в Гайчжоу, а три в деревне Баосичжай, в нескольких верстах.

На станции Ляоян в поезде очутилась супруга командира полка полковника Воронова, которая, как сказали мне, на свой собственный счет сформировала санитарный транспорт из двуколок для сопровождения в бою полка и вывоза раненых. Всякое лишнее колесо является обузой в кавалерийской части; согласно штатов, при каждой части существуют определенные санитарные средства. По опыту пережитой кампании говорю, что кавалерия при действиях в гористой местности не может пользоваться двуколками, а возит с собой только выюки. Поэтому устройство, хотя бы и на собственный счет командира полка, какого бы то ни было санитарного обоза не может быть полезно. Кроме того, когда сие учреждение подведомственно жене командира полка, то оно является, безусловно, вредным, так как, конечно, оказалось, что не это учреждение существовало для полка, а полк существовал для санитарного обоза госпожи Вороновой. Затем присутствие супруги командира полка в походе нетерпимо и составляет нарушение коренного принципа – воевать без женщин и семейств. Впоследствии я узнал от товарищей по полку, что Евдокия Воронова проявила необыкновенное мужество, действуя в бою с своим транспортом, но, к сожалению, это ее мужество не передалось ее супругу, который старательно избегал каждого сражения вообще и настойчиво уводил полк из-под огня, когда случайно им командовал при таком неприятном обстоятельстве. Я знаю также, что санитарный полковой транспорт был оборудован совсем не на средства жены командира полка, а на какие-то пожертвования и содержался за счет полка и вычетов из содержания офицеров; ликвидация этого транспорта, сделанная еще во время войны, подозрительна.

Я был принят командиром полка очень оригинально: он заявил, что мое назначение в полк крайне неудобно, так как я могу помешать старшему штаб-офицеру его получить, ввиду скорого производства в генералы самого Воронова; что у него вообще принцип отправлять всех назначаемых в полк из Европейской России офицеров в Раздольное (близ Владивостока), т.е. в штаб-квартиру полка, где формируются пополнения, а главное, что в настоящую минуту он, Воронов, командует большим отрядом, а командующим полком состоит старший штаб-офицер, которому придется уступить командование мне, что он считает несправедливым. Я доложил, что приехал на войну, конечно, не для того, чтобы формировать укомплектования в Раздольном, и не имею претензии немедленно вступить в командование полком, потому что мне надо сперва осмотреться. Тогда командир несколько смягчился и даже обещал хлопотать о скорейшем назначении меня командиром Уссурийского казачьего полка, командующий которым, полковник Данауров, был безнадежно болен; пока же он приказал мне вступить в командование заставой на станции Гайчжоу, в составе одной роты стрелков и одного эскадрона драгун, куда и отправил меня немедленно. Во всяком случае, я вынес впечатление, что Воронов постарается возможно скорее от меня избавиться, что и не замедлило случиться. Считаю нуж-

ным рассказать о карьере этого военачальника. Воронов сперва воспитывался в Пажеском корпусе (два года мы были с ним в одном классе); из шестого класса он был исключен за дурное – безнравственное – поведение. Несмотря на то, что он был очень слаб в науках, ему удалось в том же году сдать экзамен в младший класс Николаевского кавалерийского училища, где в то время принимали и совсем полуграмотных. Через два года он вышел в л.-гв. Гусарский его величества полк, в котором необыкновенно быстро выслужил чин полковника и таким образом обогнал всех своих товарищей по Пажескому корпусу, даже кончивших академию. Служа в гусарах, он прожил все свое состояние и продолжать службу в гвардии не мог. Тогда его устроили в роли какого-то инструктора при войсках китайского богдыхана (а, как он рассказывал сам, в роли главного его советника!). За это время ему удалось жениться на дочери одного купца-миллионера, имевшего свое состояние на Дальнем Востоке. Тогда он решил, что ему выгоднее продолжать службу на Дальнем Востоке, и ему благоволили предоставить Приморский драгунский полк. Зная этого господина еще с детства за довольно порядочное ничтожество, я мало надеялся на его доблесть, но то, что мне пришлось услышать про его постоянные уклонения от боев, превзошло всякое ожидание. Конечно, я не знал, что это был человек весьма сильный в Маньчжурской армии, как близкий родственник будущей супруги начальника штаба армии генерал-лейтенанта Сахарова.

Боевая задача заставы на станции Гайчжоу состояла в том, чтобы воспрепятствовать противнику произвести десант в устье протекавшей здесь реки (4—5 верст от станции), вероятный по важности значительного железнодорожного моста. Штабом 1-го Сибирского корпуса было сообщено, что такая попытка со стороны противника тем более вероятна, что город Гайчжоу, с 15—20 тысячами жителей, расположенный в двух верстах от станции, считается особенно неблагонадежным по своему сочувствию японцам. Застава поддерживала связь конными постами с городом Инкоу, где стоял особый отряд, и была связана телефонным сообщением с деревней Баосичжай, где стоял резерв отряда, и со станцией Дашичао, где был расположен штаб корпуса. Телефонные провода шли по телеграфным столбам, и индукция телеграфного тока до крайности затрудняла разговор, для производства которого нужно было обладать особенно сильными легкими. По телефону почти без перерыва передавались приказания и запросы штаба корпуса, донесения и запросы штаба отряда в штаб корпуса и на заставу, результаты всех наблюдений на побережье о проходе даже самых мелких судов, всякие распоряжения командира драгунского полка по хозяйству полка, а больше всего по формированию транспорта его супруги. Хотя я отлично говорю по телефону вообще, но, для выполнения всего вышесказанного, конечно, моих легких не хватало; да и не мог же я сидеть бессменно у телефона, исполняя иные служебные обязанности. Командир полка, кажется, в первый же день моего командования заставой сделал мне внушение за неисправность телефонного сообщения и запретил мне лично говорить с ним, находя мою речь непонятной, хотя я очень удачно переговаривался со штабом корпуса, и там меня отлично понимали. Так как находившиеся в моем распоряжении нижние чины не были способны принимать серьезные приказания, и в особенности их записывать, а специалисты из железнодорожного батальона были заняты постоянным ремонтом линии, то пришлось сделать наряд офицеров эскадрона и обязать их дежурить у телефона, что, впрочем, не могло быть затруднительно для четырех человек, которые не несли, кроме того, решительно никакой службы. Меня крайне удивило, что офицеры выразили некоторое неудовольствие и начали исполнять службу довольно небрежно.

Кроме обязанностей начальника заставы, я исполнял еще обязанности начальника гарнизона станции Гайчжоу, состоявшего из сотни и полуроты пограничной стражи и команд хлебобопеков и обозов двух стрелковых полков; эти части требовали постоянного наблюдения за порядком в них, а в особенности в дни праздника Пасхи. Приходилось еще по несколько раз в день встречать поезда с высокопоставленными особами: наместником, ездившим в Артур, командующим армией, бригадным командиром, начальником отряда. Но вообще служба шла

благополучно. В продолжение 10 дней моего командования в Гайчжоу произошли две ложных тревоги, но оба раза они произведены вопреки мне лично. В первый раз, в одиннадцатом часу ночи, на станцию прискакал посланный командиром выдвинутой на самый берег моря стрелковой роты драгун и доложил мне категорически: «Японцы начали высадку». Я усомнился в этом донесении и не произвел бы тревоги, не проверив его, но, к сожалению, его услышал сидевший рядом в комнате сильно выпивший ротмистр Бзаджиев, который, не спросив у меня, побежал к телефону и донес о начатой японцами высадке как в штаб корпуса, так и в штаб отряда, а затем сам же приказал полуэскадрону седлать. Тревога распространилась на станции, и начальник станции спрашивал, нужно ли эвакуировать станцию. Не удивляюсь, что этот статский человек начал беспокоиться, потому что пьяный ротмистр и столь же пьяный стрелок – начальник хлебопеков – производили адскую суету и шум. Мне пришлось подтянуть обоих, но во всяком случае им удалось произвести почти панику. Очень скоро получилось донесение, что произошла ошибка и никакой высадки не производится; я распустил войска на ночлег и успокоил станцию. При получении этого донесения ротмистр Бзаджиев опять поступил, вероятно спьяна, довольно странно, чтобы не сказать преступно. В момент получения донесения он находился в помещении телефона, а я был на платформе станции (шагов 40 расстояния); конверт был адресован, конечно, на мое имя, но ротмистр его распечатал и тотчас же, опять не докладывая мне, сообщил содержание в штаб отряда и в штаб корпуса. Когда я пришел случайно в помещение телефона, то застал его уже оканчивающим переговоры. Я сделал ему соответствующее внушение и в ответ получил дерзкое заявление, что он более никогда не станет разговаривать по телефону. Конечно, мне следовало поступить с ним по закону, но я знал, что ничего не добьюсь и только получу неприятности, а потому оставил дело без последствий. Когда я приехал на рассвете на берег моря, то узнал, что действительно в темноте какие-то шлюпки подъезжали к берегу и высаживали людей (следы ног были видны при отливе), но через несколько минут отплыли. Надо заметить, что стоявшая на берегу рота стрелков, при одном офицере, несла бессменно крайне тяжелую службу, и потому несколько нервное состояние ее начальника было понятно. Следовало или усилить состав заставы, или хотя бы сменять передовую часть из резерва.

Вторая тревога произошла следующим образом. С утра начали поступать донесения, что какое-то судно то приближается к берегу, то удаляется от него, а вечером с него начали делать промеры; ночью в устье реки вошло несколько шлюпок. Все эти донесения были весьма сомнительны, но, несмотря на это, полковник Воронов выслал из резерва на подкрепление 1 роту, 2 эскадрона и 2 конных орудия, прибывшие к рассвету. Когда я узнал об этом распоряжении, то отправился на угрожаемое место со своим полуэскадром и, конечно, никакой высадки не видел. Правда, что китайцы занимались сигнализацией с берега со стоявшим в открытом море судном, но поймать сигнализировавших не удалось.

Заметив крайнюю нервность начальника отряда (полковника Воронова), я перестал доносить по вечерам о наблюдениях на побережье и поэтому избавился от ложных тревог. Помню, что, когда раз вновь поступили весьма тревожные донесения, я ограничился тем, что сам провел полночи на наблюдательном посту.

Между тем телефонная служба шла все хуже и хуже, потому что офицеры явно от нее уклонялись, а я выбивался из сил, часами напрягая свои легкие. Наконец я написал командиру полка, чтобы он внушил своим офицерам необходимость исполнять свои служебные обязанности, на что последовал словесный ответ через одного из офицеров, что в распоряжении полковника имеются саперы-телефонисты и трубачи. Следовательно, Воронов освобождал моих подчиненных от возложенных на них мною служебных обязанностей, чем, во-первых, нарушал интересы обороны побережья, а во-вторых, сам подрывал дисциплину среди своих офицеров, другими словами, развращал их. Так как от исправности передачи распоряжений по телефону зависела не только оборона Гайчжоу, но и всей двадцативерстной линии обороны отряда, то

я не мог допустить в военное время такое упущение и написал донесение начальнику отряда генерал-майору Зыкову (Воронов уже был смещен с этой должности и оставался только командиром полка), что Воронов уволил моих офицеров от обязанностей говорить по телефону, а поэтому ручаться за правильность и точность телефонного сообщения не могу. В ответ на это я получил приказание привлечь офицеров к службе на телефоне... но на следующий же день прибыл из резерва штаб-офицер полка и передал мне приказание начальника отряда (конечно, по проискам Воронова) сдать командование заставой ему, а самому явиться в штаб полка. Мне разрешили отправиться на следующий день, потому что я чувствовал себя нездоровым.

Как раз в это время штаб корпуса начал опасаться покушений противника в окрестностях станции Сюниочен (к югу от ст. Гайчжоу) и срочно сформировал там отряд из 1 батальона, 2 эскадронов и 4 пеших орудий. Узнав, что я сдал командование в Гайчжоу (о чем я донес), начальник штаба корпуса запросил, какое мне дано в отряде Зыкова назначение. Я слышал, как Воронов приказал передать по телефону, что я болен, но я передал сам, что выздоровел. И действительно, можно было побереечь себя одни сутки в то время, когда я был совершенно не нужен для службы, но когда вопрос коснулся командования отрядом там, где ожидалось дело, то я, конечно, не думал о своем здоровье. Немедленно последовало приказание командира 1-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Гернгросса ехать в Сюниочен и вступить в командование отрядом. Напрасно подполковник Афанасьев уверял меня, что командир полка Воронов будет недоволен моим назначением, и советовал мне дожидаться приезда последнего, я считал нужным исполнить приказание старшего начальника и отправился немедленно. Воронов же немедленно полетел в Ляоян – конечно, жаловаться на меня (а, как я узнал потом, ему было кому жаловаться).

В Сюниочене я прокомандовал 11 дней, ознакомился с местностью и начал серьезные разведки на юг в направлении к Вафангоу. Все шло очень успешно, но неожиданно пришла телеграмма начальника отряда такого содержания: «полковнику Дружинину сдать командование отрядом и явиться в Ляоян, в штаб армии». Следовательно, происки Воронова увенчались полным успехом. Итак, несмотря на военное время, на серьезное дело, от которого зависела честь Родины, в нашей несчастной армии продолжались интриги, наущничания, и вообще занимались какими-то дразгмами и мелочами. Недоброе предчувствие охватило меня: вы шутите, господа генералы, а японцы не шутят, и посмотрим, хорошо ли пойдут у вас дела. Я сдал командование, как было приказано, командиру стрелкового батальона и выехал в Ляоян.

Глава III. Четыре дня штабного Ляояна, с 12 по 15 апреля

По дороге мне встретился товарищ по корпусу, взявшийся приютить меня в казармах железнодорожного батальона. Послав туда свои вещи, я сам с вокзала отправился в штаб к генерал-квартирмейстеру, который послал меня к одному из своих офицеров Генерального штаба, а последний объяснил, что мне поручены стратегические рекогносцировки всех путей от Ляояна к Гайчжоу и далее к Вафангоу и Вафандяну, для чего в мое распоряжение давали трех офицеров Генерального штаба. Для выполнения работы был дан весьма краткий срок времени, и работа считалась крайне спешной. Всякому теперь понятно, насколько серьезно было возложенное на меня поручение, ибо в намеченном для рекогносцировки районе и произошли все операции южной группы нашей армии: Вафангоу, Дашичао, Айсянчжан; так как, кроме путей, мне было предписано лично рекогносцировать все позиции, то, может быть, моя работа, если бы я ее выполнил, принесла бы существенную пользу нашей армии, но, как увидят читатели, мне не суждено было принять на себя ответственность за все, что произошло в указанном районе. Я был вынужден заявить, ввиду спешности начала работ, что не успею скоро купить себе лошадей, так как командир полка (совершенно незаконно) отобрал у меня всех полагавшихся мне казенных лошадей и, вероятно, не скоро вышлет мне мои собственные деньги, сданные ему на хранение. Мне обещали сделать распоряжение о возвращении мне лошадей и вестовых.

Было уже темно, когда я покинул штаб и пошел на вокзал поесть. Товарищ, с которым я приехал, пригласил меня к столу, где сидело несколько его сослуживцев и между ними несколько женщин-певиц из кафешантана. Меня угостили вином, на что я ответил тем же, но вообще пили очень немного. Когда, поужинав, мы отправлялись домой, то одна из женщин просила нас проводить ее, и мой товарищ сказал, что это было нам по дороге (я не имел никакого представления об улицах Ляояна). Мы сели каждый на рикшу и поехали. Было совершенно темно. Скоро рикши остановились около какого-то здания (позднее я узнал, что это было только что закрытое распоряжением начальства увеселительное заведение «Шато-де-флёр»). Едва я стал на землю, как меня окликнул часовой и сказал, что вход воспрещается. Я ответил ему, что и не собираюсь никуда заходить, а еду дальше. В ту же минуту из темноты вынырнула фигура молодого офицера, который, приблизившись ко мне, грубым голосом крикнул на меня: «сюда вход воспрещается», и повернулся, чтобы уходить. Я сказал ему: «г. офицер, пожалуйста сюда; вы, верно, не видите, что говорите штаб-офицеру». Он вторично заорал: «Повторяю, входить нельзя». Тогда я крикнул на него: «Возьмите под козырек». Он еще более возвысил голос и закричал: «Держите сами под козырек, потому что я передаю приказание командующего армией». Я сказал ему: «Приказываю вам, как полковник, взять под козырек и разговаривать вежливо». На это офицер сказал: «Я буду на вас жаловаться», повернул мне спину и ушел.

Я привык вообще к безобразному поведению наших офицеров в отношении дисциплины и вежливости, и поэтому этот безобразнейший факт меня не удивил, а начать расследование было некогда, и я решил забыть о нем. На рассвете следующего дня я нашел себе место в поезде, отвозившем на станцию Гайчжоу телеграфную роту, и таким образом мог с полудня приступить к возложенной на меня работе. Я уже сидел в вагоне, когда посыльный нижний чин вручил мне экстренный конверт от коменданта главной квартиры, требовавшего меня немедленно к себе по делам службы. Я отправился к нему и был встречен более чем нелюбезно. Вот наш разговор:

Полковник Розальон-Сошальский. – Почему, прибыв в Ляоян, вы мне не явились?

Полковник Дружинин. – Я был вчера у вас, но не застал вас дома.

Р.-С. – Вы должны были оставить свой адрес в книге моей канцелярии, а то я должен был вас разыскивать.

Д. – Я не мог оставить своего адреса, потому что не знал, где остановлюсь, и спешил явиться в штаб по служебному требованию.

Р.-С. – У вас был инцидент с моим офицером, на которого вы позволили себе кричать, и он принес на вас жалобу.

Д. – Наоборот, ваш офицер позволил себе против меня дисциплинарный проступок.

Розальон-Сошальский повернулся к двери и вызвал офицера (не помню его фамилии), которого спросил: «этот полковник?» Тот ответил: «этот», и был отпущен.

Р.-С. – О вашем поступке доложено командующему армией, и он приказал вам явиться к нему в три часа дня сегодня.

Я видел, что разговаривать с этим зазнавшимся господином не стоило, и ушел, но, так как приказание командующего армией заставляло меня нарушить приказание генерал-квартирмейстера: немедленно отправиться в Гайчжоу, то я направился к последнему и доложил ему обо всем. Генерал Харкевич приказал мне оставаться в Ляояне, а на мой вопрос, как же будет теперь с порученными мне стратегическими рекогносцировками, не задумываясь, ответил: «поручим (или найдем) другому».

Итак, следовательно, благодаря интриге командира полка меня отстранили от обороны и наблюдения побережья, что я исполнял вполне успешно, а теперь, благодаря дерзости и не дисциплине какого-то мальчишки, исполнявшего функции в главной квартире особы командующего армией, меня отставили от серьезнейшего дела рекогносцировок будущих полей сражения и путей наступления японских армий с юга. Я догадался, что участь моя решена, т.е. решено от меня избавиться; и еще бы: бывший военный министр, много способствовавший моему удалению из армии в мирное время, конечно, не был доволен моим возвращением в ее ряды помимо его желания. Меня уже успел очернить в его глазах Воронов, а теперь был такой благоприятный случай выставить меня просто скандалистом (не надо забывать, что именно наше офицерство страдало на войне двумя пороками – безнравственностью и пьянством, за что его карает и общественное мнение). Я не ошибался.

В 3 часа дня меня впустили в роскошный павильон, охраняемый почетными часовыми, меблированный специально для нескольких часов приемов Куропаткина, потому что он жил в поезде, стоявшем тут же на особом тупике. Изящная мебель, ковры, люстры – все в новом стиле – производили отвратительное впечатление⁵: идет война, а командующий обставляет себя такой роскошью, забывая, что не роскошной мебелью, люстрами и гардинами завоевывается на театре военных действий, да и где бы то ни было, престиж и авторитет начальника. Вошел Куропаткин, и вот как мы беседовали.

Прежде всего он прочитал мне доклад начальника штаба армии, сущность которого гласила: полковник Дружинин, согласно донесения командира полка, возмущен против себя самого командира и все общество офицеров, а потому полковник Воронов просит или сдать полк, или убрать полковника Дружинина; в чем состояли мои провинности, сказано не было, а просто указывалось, что я был возмутительным человеком. Затем мне милостиво предоставили сказать кое-что в свое оправдание, почему я изложил подробно все вышесказанное о проступках офицеров, обслуживании ими телефона и придирках ко мне Воронова. Куропаткин несколько раз только проговорил одно слово: «странно», а когда я кончил, то добавил: «а вот еще жалоба коменданта главной квартиры, свидетельствующая о вашем безобразном поведении». На это я доложил: «оправдываться по этой клевете я не буду; если угодно допросите тех, кто были со мною, и вам скажут, что ничего подобного не было». На это последо-

⁵ Китайская железная дорога заплатила за меблировку квартиры заместника в Мукдене и Куропаткина в Ляояне 50 000 рублей.

вал ответ: «я дознания делать не буду, а, по докладу начальника штаба армии, вы подлежите высылке из пределов армии». Вся кровь бросилась мне в голову, но в силу дисциплины я сдержал себя и сказал: «Слушайте, ваше высокопревосходительство, я приехал сюда не для того, чтобы делать карьеру, которую в своей жизни уже сделал дважды: один раз в армии, о чем известно вашему высокопревосходительству, а затем в Министерстве путей сообщения, о чем можете справиться. Сюда я прибыл только для того, чтобы сложить свою голову за отечество, а так как у вас теперь сражаются только на реке Ялу, то я и прошу вас меня туда отправить, где я постараюсь избавить вас от себя». Куропаткин помолчал несколько секунд и высокопарным тоном (он уже страдал манией величия) вымолвил следующее: «Я хочу дать вам возможность стать на ноги и поэтому посылаю вас в распоряжение генерала Засулича, но помните, что посылаю вас туда без права командования чем-нибудь; по своему чину вы должны командовать несколькими ротами и сотнями, но вы командовать не будете, а только будете водить разьезды». Я сказал, что благодарю и за это и прошу три дня времени на приобретение лошадей. Вот каким образом я был разжалован из полковников (еще в мирное время пользовался правами командира отдельной части) в хорунжие, или даже в урядники, так как разьезды водят и те и другие. По странному взгляду в эту кампанию (что довольно неправильно) сотенные и эскадронные командиры в разьезды не ходили.

Конечно, беседа с Куропаткиным была столь унижительна и тягостна, что не понимаю, как только сознание дисциплины заставило меня ее выдержать, ибо выслушивать такую оскорбительную речь человеку, решительно ни в чем не повинному и только строго исполняющему долг службы, было просто возмутительно. Странно, что, во все время этой довольно продолжительной пытки внутренний голос настойчиво твердил мне: подожди, посмотрим, что будет дальше; такие шутки не доведут до добра, и не будет ли в этом павильоне сидеть японский главнокомандующий, и не для него ли все здесь приготовлено. К несчастью, я не ошибся, и 23 августа это предчувствие обернулось в исторический факт, ибо павильон Куропаткина, вместе с венчавшим его георгиевским флагом, достался Ояме в самом цельном виде. Знаменитый комендант главной квартиры поспешил оставить Ляоян, не позаботясь не только вывезти, но и уничтожить роскошную обстановку командующего, а ведь она стоила Китайской дороге не один десяток тысяч рублей. Впрочем, что говорить о потере ценностей, которых Куропаткин легко отдавал японцам на миллионы рублей, но отдача георгиевского флага и ставки командующего армией – это безнравственно в морально-боевом отношении.

Тем не менее было от чего прийти в полное отчаяние: переживать позор, видеть торжество всех этих штабных людишек, готовых, невзирая на надвигавшуюся грозную опасность, грызть и кусать всякого, кто только им не уподоблялся, было слишком тяжело... и я был близок одну минуту к малодушию – думал покончить с собою, в каком духе и высказался перед одним товарищем. Последний был в достаточной степени болтлив и рассказал это своему сожителю – молодому офицеру, прибывшему на войну по собственному желанию и посвятившему себя разведывательной деятельности. Этот юноша сказал мне случайно следующее: «Я был уже на одной войне – китайской – и все-таки знаю, что такое бой, а потому по опыту говорю вам, полковник, что ваше положение для войны очень хорошо: если вы настолько не дорожите жизнью, что решаетесь лишить себя ее, то вы будете иметь огромное преимущество в бою над другими людьми; ведь там все без исключения чувствуют себя очень тягостно и, хотя подавляют чувство самосохранения, но все-таки страдают; идите в бой, и вы сразу почувствуете свою силу». Как часто вспоминал я этого умницу в первом и последующих боях! Судьба свела меня с ним вновь 12 августа, когда мне удалось одержать победу над японской гвардией, и я искренно поблагодарил его за оказанную мне поддержку⁶

⁶ Мои враги скажут, что все здесь рассказанное искажено и что на самом деле я просто сделал в Ляояне скандал, и это в чине полковника, в военное время и т.д., но, во-первых, у меня есть свидетели, что все здесь рассказанное совершенная

правда, во-вторых, и главное, вот что: почему же Куропаткин поставил мне в вину даже непроверенную им басню о том, что я имел в Ляояне какое-то общение с женщинами и вином, а в то же самое время, у него на глазах, начальник штаба армии Сахаров позволял себе держать при себе женщину под видом сестры милосердия и устраивать в своем помещении с нею кутежи. По странной случайности эта знаменитая особа, впоследствии супруга Сахарова, известная в армии под названием Елены Прекрасной, была отчасти виновницей и жестокого обо мне доклада ее будущего благоверного, так как она состояла в близком родстве с командиром Приморского драгунского полка Вороновым и носила одну с ним фамилию, а следовательно, благодаря ее протекции у начальника штаба, Воронову и удалось оклеветать меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.